

СВОЕОБРАЗИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ДИНАМИКИ «ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Драйсави Хуссейн Катим Маджди

канд. филол. наук, преподаватель, Багдадский университет, Ирак, г. Багдад

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о «петербургском тексте» как об особом тексте, через который прослеживаются его метафизические свойства. Его изучение позволило рассмотреть текст в динамике и изучить тему Петербурга как культурный феномен. Здесь рассматривается вопрос о том, когда было положено начало «петербургскому тексту» и в каких произведениях русской литературы это описывается. Также прослеживается ряд мотивов, которые являются основными элементами «петербургского текста». Н.В. Топоров отмечает, что Петербург – это город, где пересекаются темы добра и зла, являющиеся сквозными. Мотивы иллюзорности также преобладают в «петербургском тексте» - все это, в совокупности, образует особый текст мифа о Петербурге. В итоге, при создании текста на «петербургскую тему», автор сначала структурирует уже имеющиеся произведения и создает свое, ничем непохожее на другие.

Ключевые слова: «петербургский текст»; мифология Петербурга; мотив иллюзорности; эсхатологический лейтмотив.

«Петербургский текст есть текст не только и не столько через связь его с городом Петербургом, сколько через то, что образует особый текст, через его резко индивидуальный («неповторимый») характер, проявляющийся в его внутренней структуре.

Если бы все элементы Петербургского текста («объектный» состав, «природные» и «культурные» явления, «душевные» состояния) и все связи между этими элементами были закодированы с помощью некоего набора символов (чисто условных, т. е. не отсылающих к «содержательному») и если бы семантика текста оставалась неизвестной, то все-таки сам набор элементов, связей был бы ясен» [В.Н. Топоров, 1995, С. 300-301].

Петербургский текст в русской литературе нацелен на выявление общих черт и различий в петербургской мифологии в таком порядке, в котором они появлялись в творчестве русских писателей. С одной стороны, это позволяло рассмотреть текст Петербурга в динамике, а с другой, рассмотреть и изучить петербургскую тему как культурный феномен.

В XIX веке в 20-30-х годах было положено начало «петербургскому тексту». Это отразилось в произведении А.С. Пушкина «Медный всадник». Далее «петербургская тема» прослеживается в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя и его фельетонах, которые печатались в «Современнике». В творчестве Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова также прослеживается тема Петербурга.

В русской классике Петербург выступает в двух функциях: прямая функция – обслуживает определенный круг общественных потребностей, и метафорическая, где «признаки переносятся на широкий круг иных социальных фактов, моделью которой он становится» [И.П. Никитина, 2001, С. 58].

Считают традиционно, что текст А.С. Пушкина «Медный всадник» заложил основы петербургской мифологии. Характерно, что маркировка о принадлежности текста к петербургскому мифу вынесена в заглавие произведения, что свидетельствует о том, что «петербургская тема» переходит с тематического на жанровый уровень.

Также общеизвестно, что в пушкинском «Медном всаднике» возникли основные образы и мотивы петербургского мифа, которые были развиты в последующих текстах. «Медный всадник» оказывается своеобразным началом, задающим все основные элементы «петербургского текста», которые впоследствии по-разному интерпретировались другими писателями» [11, с. 173].

В «Медном всаднике» можно выделить мотивы революционной ситуации, наводнения и людских масс. Наводнение несет в себе эсхатологическую семантику, что и является чертой текста Петербурга. Это связано с тем, что эсхатологические предсказания и пророчества по поводу города имеют большое значение, что потом и сказалось на его мифопоэтической природе. Например, у А.С. Пушкина связана тема города и наводнения, так как город выстроен в «неправильном и плохом» месте.

Очень часто отмечалось, что наводнение понимается А.С. Пушкиным не просто как природное бедствие, но как разбушевавшаяся стихия, указывающая на «катастрофу» в человеческом обществе. Также наводнение отождествляется неким «сдвигом» границы между хаосом и гармонией: «Земля становится водой, маленький человек угрожает власти, живое становится мертвым, а мертвое – живым» [3, с. 360]. Ю.М. Лотман указывает, что сам «образ наводнения в «Медном всаднике» в контексте семантического трехчлена «восстание стихии — статуи приходят в движение — народ (люди) как жертва бедствия» [11, с. 159]. Таким образом, основной мотив – восставшая стихия мог реализовываться только в образе наводнения, так как он находится в тесной взаимосвязи пространства Петербурга.

Параллельно с образом стихии реализуется мотив власти, где отводится огромная роль в городском тексте русской литературы XIX века. С образом стихии можно соотнести мотив власти, который играет большую роль в «петербургском тексте».

Символом власти является «ожившая» статуя Петра Первого, соотносящаяся в тексте с богом, «кумиром». Власть слепа, безгранична и равнодушна к судьбе обычного человека. Здесь уже можно проследить мотив личности и государства, но в других текстах данный мотив также обыгрывается по-разному.

«Если рассматривать «Петербургские повести» Н.В. Гоголя, то у него власть можно соотнести с бюрократией, формирующая свое метафизическое начало». Так, Ю.М. Лотман, анализируя «Петербургские повести», замечает, что «повествование в «Носе» очень типично для «Петербургских повестей» в целом: из двух планов, реально-бытового и фиктивного, бюрократического, непрерывен только второй. В реальном плане изобилуют провалы, несогласованности, несоединимости» [9, с. 216].

«Интересно, что в некоторых произведениях XX века, где реализуется петербургский миф, по принципу контекстуального соединения бюрократия связывается с демонизмом (например, «Дьяволиада» М.А. Булгакова) — видимо, со времен Н.В. Гоголя эта семантическая связь в русской литературе оказывается устойчивой» [10, с. 65].

«При этом на авторские интерпретации бюрократической системы влияет также мотив иллюзорности петербургского пространства. В сочетании с этим мотивом бюрократическая власть оказывается «мнимой» и призрачной. Позже эта семантическая связка (восстание стихии — иллюзорность - власть) появится в романе А. Белого «Петербург».

«Эсхатологический лейтмотив восстания стихии обуславливает лейтмотив абсурдности и распада бытия, который реализуется в следующей системе мотивов: мотив сумасшествия, мотив истончения грани между реальным и ирреальным миром, мотивы сновидения и иллюзорности мира» [5, с. 307-308].

В поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» абсурдность ведет к гибели главного героя. В итоге,

разрушен не только город, но и его мечты.

Судьба оказывается безжалостной, и в этом смысле на глубинном смысловом уровне она подспудно соотносится с игрой в карты («Пиковую даму» Пушкина), где также властвует случай, а выигрыш или проигрыш зависит только от случайного стечения обстоятельств, которое не подчиняется разумному объяснению. Судьба напоминает античную долю, которая также соотносится со случаем и никак не связана с личной добродетелью» [8, с. 307-308].

Очень четко абсурдность Петербурга представлена в гоголевской повести «Нос». В непонятном и таинственном городе происходят очень странные вещи, которые невозможно соотнести с реальностью, которые не подчинены никакой логике. Главный герой Ковалев потерял нос, следует отметить, что найден был нос на «Невском проспекте» и гулял он тоже там (именно на Невском всегда происходят все странные вещи). «Я не хочу, мне не нужнее нос, - говорил он, размахивая руками, - у меня на один нос уходит три фунта табаку в месяц! <...> Я не хочу носа! режь мой нос! вот мой нос» [Н.В. Гоголь, 1994, С. 21].

«Анализируя повесть с точки зрения изображенного в нем петербургского пространства, следует отметить, что «нос сразу входит в два типа пространства - бытовое, которое в этой оппозиционной паре воспринимается как реальное, и другое - мнимое, фиктивное, в котором и все предметы становятся фиктивными, ибо наделяются заведомо несовместимыми свойствами.

Это пространство небытия, и все в нем наделяется признаками, иметь которые одновременно можно только в состоянии небытия» [9, с. 240].

Следовательно, в петербургском пространстве разворачиваются фантастические события, несущие в себе хаос.

«Мотив сумасшествия в соотношении с петербургским городом появляется также в произведениях Ф.М. Достоевского. Эта связь отчетливо видна в «Преступлении и наказании», где все герои находятся в «пограничном» состоянии между разумом и безумием».

Не последнюю роль в этом играет «желтый» Петербург с его искривленными пространствами. Топоров, раскрывая характер этой связи, указывает на то, что внутреннее пространство Петербурга характеризуют «жилища неправильной формы и невзрачного или отталкивающего вида, комната-гроб, жалкая каморка, грязная лестница, колодец двора, дом» [1, с. 315].

В «петербургских текстах» очень часто встречается мотив сновидения, например, у Н.В. Гоголя «Невский проспект», стремящимся порваться из потустороннего мира в мир иной. При этом галлюцинаторное состояние находится в тесной связи со сновиденческим.

«Сновидения и галлюцинации были вызваны самим городом, который имеет такую же «сновиденческую» природу. Петербург — есть не то, чем он кажется. Это город обмана, который искажает любую истину. И ключевое слово, которое максимально точно характеризует петербургское пространство — это слово «странно». «Как странно играет с нами судьба наша! Но страннее всего происшествия, случающиеся на Невском проспекте. О, не верьте этому Невскому проспекту! <...> Все обман, все мечта, все не, чем кажется. <...> все дышит обманом» [Н.П. Анциферов, 1990, С. 250].

«Характерно, что мотив лжи и иллюзорности города связывается с демоническим началом, незримо присутствующим в Петербурге. Демон наводит на город марево и иллюзию, чтобы все показать в искаженном виде» [2, с. 102]. «Он лжет во всякое время этот Невский проспект, но более всего, когда ночь сгущенное маскою наляжет на него... и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все в ненастоящем виде» [Н.В. Гоголь, 1994, С. 35].

«Мотив иллюзорности Петербурга возникает также и в творчестве Достоевского. Тема иллюзорности Петербурга разрабатывалась, прежде всего, в его романе «Подросток», где Петербург предстает маревом над Невой, туманом».

Топоров отмечает, что «Петербург - это «черный» заговор «на зло», где встречаются темы добра и зла, которые являются сквозными. «Зло» выступает то отчетливо, то туманно, то выступает на первый план.

«И даже вне Петербурга, о котором страна судила как о чем-то чуждом и греховном и если тянулась к нему, то часто корысти ради, поддаваясь низким соблазнам, — едва ли стоит напоминать, что речь идет лишь об одной, но очень весомой части спектра внешних «мнений» о Петербурге) и начиная с 30-х годов XIX века и в литературе — художественной, публицистической, исторической. Вот это «злое» начало, несомненно, во многом объясняет тему inferнального в Петербурге в разных ее вариантах» [Н.В. Топоров, 1995, С. 350-357].

Итак, мы видим ряд основных мотивов, которые оказываются важными элементами «петербургского текста».

Далее в теме Петербурга в творчестве других авторов изменяются только второстепенные образы, а основные – неизменны. Все выделенные образы образуют некий особенный текст петербургского мифа. Именно отсюда и «вытекают» все особенности литературной традиции, которые связаны с городским текстом. Автор, когда создает произведение на петербургскую тему, то он комбинирует уже имеющиеся произведения в нужной для него структуре, привлекает другие источники и в соответствии со своим миропониманием и мировоззрением создает новое произведение, отличное от других и ничем не похожее на предшествующие.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Астральный роман (размышления по поводу романа А. Белого «Петербург») / Н.А. Бердяев // О русских классиках. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 310-319.
2. Дилакторская О.Г. Петербургская повесть Достоевского / О.Г. Дилаторская. – СПб.:Петрополис. – 1999. – 129 с.
3. Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург» / Л.К. Долгополов. – СПб.: Советский писатель, 1988. – 420 с.
4. Долгополов Л.К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Белый А. Петербург: Роман в 8 гл. с прологом и эпилогом. – 2004. С. 525-639.
5. Лавров А.В. Андрей Белый: разыскания и этюды / А.В. Лавров. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 520 с.
6. Лавров А.В. У истоков творчества Андрея Белого / А.В. Лавров. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 340 с.
7. Лавров А.В. Мемуарная трилогия и мемуарный жанр у Андрея Белого. На рубеже двух столетий. Воспоминания / А.В. Лавров. – Т. 1- М.: Художественная литература, 1989. – С. 5-32.
8. Лавров А.В. Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891 – октябрь 1917 / А.В. Лавров. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 672 с.
9. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблема семиотики города // Лотман Ю.М. // История и типология русской культуры. - СПб.: Искусство, 2002. – С. 208-220.
10. Новиков Л. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого / Л. Новиков. – М.: Наука, 1990. – 230 с.
11. Пумпянский Л.В. «Медный Всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пумпянский Л.В. // Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 158-196.

